

Особенности механизма нормирования устной публичной речи на фонетическом (сегментном) уровне

ИРИНА ВЕЩИКОВА

(Москва)

Последнее тридцатилетие в истории отечественной русистики характеризуется стремительным развитием исследований современной звучащей литературной речи. Если в предшествующий период в сфере изучения литературного языка, его норм и тенденций к изменению в них центральное место занимали письменные тексты, то в настоящее время в фокусе внимания - исследование функционирования литературного языка в условиях устной коммуникации и обсуждение действующих в ее пределах механизмов нормирования.

Создание базы данных устной литературной речи началось в 60-ые годы и прошло два основных этапа. На первом этапе в поле зрения ученых оказалась звучащая речь носителей литературного языка в сфере частного бытового обиходного общения. Расшифровка первых же магнитофонных записей показала, что она не равна кодифицированному литературному языку (далее - КЛЯ), значительно отличаясь и дистанцируясь от него прежде всего на синтаксическом и произносительном уровнях. По мере накопления "нового" фактического материала все больше сторонников завоевывала мысль, что в рамках современного русского литературного языка наряду с КЛЯ существует особая коммуникативная система - разговорный язык, или разговорная речь (далее - РР), а выделенный круг языковых форм должен и может быть признан специфической и исключи-

тельной особенностью речи носителей литературного языка в условиях неофициального, непринужденного, личного общения. Такое понимание было закреплено и терминологически. Они были названы разговорными, а на фонетическом уровне - *разговорным стилем* (Л.В. Щербой), *беглой, неотчетливой речью* (Р.И. Аванесовым), *компрессивно-аллегрровой речью* (А.А. Реформатским), *неполным типом произнесения* (Л.Р. Зиндером, Л.В. Бондарко, В.Б. Касевичем, Л.А. Вербицкой, М.В. Гординой, *фонетикой РР* (Г.А. Бариновой) и т.д.

В фонетике данные термины используются как синонимы, обозначая особым образом организованный класс произносительных вариантов слов, соотносимых и противопоставленных формам, определяемым как кодифицированная орфоэпическая норма, или фонетическая система КЛЯ¹. Конститутивным признаком разговорных вариантов является наличие в них "фонетической неопределенности", которая обнаруживает себя либо в утрате гласного ([г'атр], [фс'отк'ь]), либо потере согласного ([нахоць], [скаал]) или отдельных звуковых последовательностей (предвари[тн]ый, прави[тсн]ый), либо в ослаблении звука, то есть большей степени количественной или качественной редукции гласного ([г'вьр'ит], [б'ьл'ит'эн'], [ч'эл'ьс'т'ь]). Собственно фонетические характеристики этого явления, описаны весьма детально и не вызывают сколько-нибудь серьезных разночтений [1], в то время как вопрос, связанный с их нормативным статусом, остается открытым и не укладывается в систему оценок *норма - ненорма, правильно - неправильно, допустимо - недопустимо*.

В тоже время вопросы, относящиеся к функционированию литературного языка в условиях публичной коммуникации (далее - УПР) и степени влияния устной формы продуцирования речи на механизм ее нормирования, сначала даже не ставились, что, по-видимому, может быть объяснено господствующими в тот период теоретическими представлениями. Однозначное соответствие между УПР и КЛЯ признавалось как аксиома, а изучение состояния и тенденций развития литературной нормы основывалось, точнее ограничивалось анализом письменных текстов. Задача изучения спонтанно продуцируемой УПР (а не озвученного письменного текста) в свете теории нормы была выдвинута и осознана как актуальная гораздо позднее - только на рубеже 70-80-х годов. Ответом на такую постановку вопроса явилась публикация ряда статей, сборников, моногра-

1 См.: Баринова 1973; Борисенко 1985; *Фонетика спонтанной речи*, Ленинград, 1988.

фий, в которых сразу же выявилось два принципиально разных подхода². Один из них связан с именами Е.А.Земской, Е.Н.Ширяева, М.В.Панова и других ученых, главный тезис которых заключается в том, что УПР должна быть строго ориентирована на систему КЛЯ и соответственно присущие ей фонетические формы, а так называемым разговорным вариантам отводится четко очерченная и сравнительно узкая сфера - *частно-бытовое обиходное* общения. Сторонники данной позиции подчеркивают зависимость языкового кода прежде всего от характера общения, а именно его официальности/ неофициальности. В результате проблема УПР рассматривается изолированно от общей проблемы устной речи, а сама УПР в отрыве от современной устной языковой практики, органичной частью которой она является.

Авторы другого подхода, в частности О.А.Лаптева и В.Барнет, существенно иначе оценивают набор и иерархию факторов, определяющих особенности организации разных типов устной литературной речи, полагая, что их своеобразие обуславливается влиянием и значимостью таких факторов, как устность и публичность. Главная идея и суть этой точки зрения находит выражение в следующей формулировке: "как бы и о чем бы мы ни говорили, спонтанно порождая свою речь, в ней всегда так или иначе будут сочетаться элементы кодифицированной и устно-разговорной нормы" (Лаптева, 1992: 153). По существу, этот тезис содержит в себе три положения: 1) речь, продуцируемая непосредственно в ходе речевого процесса, не может быть организована как исключительно разговорными средствами, так и, напротив, только средствами КЛЯ; 2) "разновидности устной литературной речи...различаются между собой не набором норм, но характером их сочетания и степенью представленности" (Лаптева, 1992: 152); 3) разговорные формы являются принципиальным свойством всякой устной речи (не только разговорной, но и публичной) и обязательным компонентом устной нормы. В отличие от своих оппонентов, которые исходят либо из письменных текстов, либо из звучащих текстов непубличного назначения, эти ученые строят свою теорию, учитывая весь спектр естественной звучащей речи носителей литературного языка, вследствие чего тем же самым формам приписывается иной статус - вообще *устно-разговорных*.

Если сравнить первые работы в этой области с последними обобщениями тех же лингвистов (*Разновидности...* 1988; Лаптева 1992), то можно

2 См.: Лаптева 1976; Земская, Ширяев 1980.

обнаружить, что сложившиеся к началу 70-ых годов представления о нормативном статусе форм типа [ш':ас] за последние десятилетия не изменились и не пересматривались. Однако при всех отличиях двух подходов их объединяет то, что виды устной коммуникации описываются в терминах *кодифицированный/ (устно)-разговорный*, не фиксируя иные, более тонкие, но не менее значимые различия. Речь идет о том, что крайне несходные формы, например [ш:'ас] и [зр'у], обозначаются одним и тем же понятием типа *разговорный* и, следовательно, оцениваются как тождество.

В сложившейся ситуации, когда все теоретические доводы, выдвигаемые каждой из сторон, и подтверждающие их языковые факты хорошо известны и при этом главный вопрос полемики, вопрос о нормативной оценке произносительных вариантов типа: [када], [ваш:'э], [ч'эк], *обязатн*о, [т'ър'], [н'эскъ], [тыш:'], [мож-быт'], [сышэн:ъ], [с'одн'ъ], [казшн], [л'ич'нъс'], [то-ъс'], *обще[сн]ый*, [п'с'ам] остается открытым, есть два выхода из положения. Первый - допустить, что возможны две интерпретации (либо как разговорных, либо как устно-разговорных) как будто бы одних и тех же фактов. Второй - не согласится с утвердившимися представлениями, предположив, что в рамках существующих теорий задача определения нормативного статуса подобного рода форм невыполнима.

Излагаемые ниже наблюдения, как кажется, позволяют и заставляют внести некоторые коррективы в их нормативную интерпретацию. Представляется, что первым шагом в этом направлении и одновременно необходимой предпосылкой дальнейшего диалога дискутирующих сторон мог бы стать анализ причин противоречивых взглядов. Одной из них является "изоляция" двух направлений. Решая одну и ту же проблему, ученые ограничиваются изложением своей точки зрения, практически оставляя без анализа доводы другой стороны, по крайней мере в ее иллюстративной части.

Другой причиной, по нашему мнению, оказывается то, что ученые в своих наблюдениях и обобщениях опираются на разные источники. В одних случаях привлекается корпус текстов обиходно-бытового характера, в других - материалом для анализа служат уже не только факты РР, но также факты публичной речи носителей литературного языка. Вполне понятно, что использование разного языкового материала в качестве базы при исследовании состояния и особенностей нормы устной литературной речи не могло не отразиться на выводах о природе изучаемого явления - разговорной фонетики. Так, если принять, что УПР может быть отнесена

к источникам при принятии нормативных решений, а также учитывать результаты, представленные в имеющихся на сегодняшний день частно-описательных исследованиях отдельных разновидностей звучащей литературной речи (Брызгунова 1984; Борисенко 1985; Вещикова 1993, N 5-6.), то оказывается, что фонетические формы типа [ш'ас] и *относи[тн]о* перестают быть только разговорными, то есть замкнутыми рамками частнобытового общения, а само понятие разговорный, используемое здесь как терминологическое обозначение, не лишено внутреннего противоречия. По этой причине, опираясь на понятие "компрессивно-аллегроявая речь", введенное А.А.Реформатским (1979), но не вошедшее в научный обиход, мы предлагаем использовать *термин компрессированные формы* (далее - КФ), который в отличие от терминов разговорный и устно-разговорный не содержит оценки нормативного статуса обозначаемых им производительных вариантов.

Наконец, третья причина заключается в подходе к описываемым производительным вариантам. Как уже было отмечено, при всех несовпадениях точек зрения исследователи исходят из того, что КФ равноценны и едины не только на фонетическом, но и на нормативном уровне. Тем самым не учитывается одна принципиально важная особенность КФ: разные КФ вообще и КФ одного слова, в частности, могут существенно отличаться друг от друга как чисто фонетически (сравни, например [ванш'э] и [гр'ит]), так и в плане своей нормативной характеристики. Однако если факт фонетического разнообразия КФ был отмечен Л.В.Щербой уже в 1915г (Щерба 1957), то вопрос о возможности и необходимости их нормативной дифференциации, то есть градации их по типам, как ни странно, ранее не ставился. Между тем представляется возможным утверждать, что КФ с точки зрения их отношения к норме могут не совпадать, но образуют шкалу переходов а) от легко узнаваемых и вне контекста и потенциально способных к самостоятельному употреблению (типа государ[сн]ый) до явлений чисто контекстуальных, имеющих значение только в рамках текста (типа [нач']=значит), б) от высокочастотных (типа [ш'ас]) до редко употребительных или почти индивидуальных (типа [д'эс']=здесь), в) от максимально сходных с кодифицированными (типа [фс'отк'ь]) до максимально отличных от них (типа [ш'ъ]=что). Подобные колебания и неоднородность особенно ярко проявляются, если какое-либо слово имеет более одного разговорного варианта произнесения. Это можно проиллюстрировать следующими примерами:

	1	2	3	4
сейчас	[с'и'ч'ас]	[ш':ч'ас]	[ш':ас]	[ш':а]
вообще	[в'яапш':э]	[вапш':э]	[ваш':э]	[ап':э]
совершенно	[с'ъв'иршэн'ъ]	[с'ършэн'ъ]	[с'ышэн'ъ]	[с'ышэнъ]
говорю	[г'ъвар'у]	[г'ъвър'у]	[г'ъар'у]	[г'р'у]
обязательно	[аб'изат'ъл'нъ]	[аб'изатнъ]	[аб'ъзатнъ]	[аб'затн]
теперь	[т'ип'эр']	[т'из'р']	[т'ър']	[т'ър']

Произносительные варианты слов, приведенные в столбце 1, следует квалифицировать как формы КЛЯ, варианты в столбцах 2, 3, и 4 - или как разговорные, или как устно-разговорные, а между парами 1-2, 1-3, 1-4 ставится знак равенства. Между тем согласиться с этим нельзя: формы 2, 3, 4 находятся на разном расстоянии от кодифицированной формы, существенно отличаясь между собой. Данное обстоятельство говорит о необходимости отказаться от однозначной оценки всех КФ. В пределах одного и того же фонетического класса встречаются формы, имеющие нетождественный нормативный статус. Если принять во внимание изложенные выше наблюдения и соображения, которые, разумеется, требуют дальнейшего изучения и осмысления, то ряд дискуссионных вопросов мог бы быть снят.

Очевидно, что актуальным сегодня становится проблема дифференциации КФ по типам. Ее решение предполагает выяснение того, насколько регулярно и последовательно каждый конкретный КФ используется в текстах разных стилей; как в текстах одного стиля употребляются КФ разных типов и как они соотносятся с функционированием кодифицированных орфоэпических форм; какова дистанция между конкретным КФ и его кодифицированным эквивалентом. Такой подход открывает возможность более полно и точно охарактеризовать КФ и одновременно показать особенности литературного языка в условиях устной коммуникации. Конечно, пока тексты разных стилей детально не расписаны и не сопоставлены с точки зрения использования в них типов КФ, задача их классификации не может быть решена.

Сравнительный анализ употребления КФ в текстах, принадлежащих разговорной, устной научной и публицистической речи, показывает, что удельный вес текстов, в которых КФ вообще не представлены, ничтожен. При этом сходства и различия текстов определяются не только и не

столько наличием или отсутствием КФ, сколько тенденциями и закономерностями их использования. Здесь имеется в виду, с одной стороны, общая направленность в выборе произносительных вариантов, которая обнаруживает себя в преимущественном употреблении или КФ, или КЛЯ; с другой - избирательность в использовании КФ разных типов.

В функционировании КФ отчетливо прослеживаются две основные особенности. Тексты разного стиля не совпадают по насыщенности КФ, что уже неоднократно отмечалось фонетистами. Установлено, что количество КФ в звучащей речи зависит от многих факторов, важнейшие из них - принадлежность текста к разговорной, научной, публицистической и т.п. речи и социальные характеристики говорящего (возраст, образование, профессия, навык публичного говорения, представления о правильности и т.п.). Кроме того, по-разному ведут себя и КФ разных типов: одни из них ([*вапш*: 'ъ], [*значи*[тн]о) являются высокочастотными в любом стиле устной литературной речи; другие ([*ш*: 'ас], [*сьишэн*: 'ъ]) - используются в текстах публичного характера реже, чем предыдущие; третьи ([*ш*: 'а], [*штъ*]) - как правило, ограничены рамками частно-бытового общения и, конечно, крайне нежелательны в устной публичной речи; наконец, есть и такие ([*т'ьр'*] (=теперь), [*нач'*] (=значит)), которые нуждаются в дополнительном контексте и потому недопустимы в публичной речи. В устной публичной речи ведущими оказываются формы КЛЯ, а из КФ регулярно и последовательно встречаются лишь те, которые наиболее близки к формам КЛЯ. В сфере же частно-бытового обиходного общения широко представлены весь спектр КФ.

На наш взгляд, изложенное выше позволяет утверждать, что характеристика устной литературной речи в терминах двух градаций (*кодифицированный - разговорный или кодифицированный - устно-разговорный*) чересчур упрощает реальное положение вещей, давая далеко не полную и даже искаженную картину реального речевого поведения людей в разных коммуникативных условиях, ибо только часть КФ реально строго замкнута пределами разговорной речи и только часть КФ может свободно функционировать на всем пространстве устной литературной речи. Не тождественны разные КФ и по степени распространенности, активности и близости к кодифицированным формам, образуя шкалу с полярно противоположными и промежуточными членами. К сожалению, указанное свойство КФ чаще всего остается вне поля зрения ученых.

Отметим еще одну особенность организации класса КФ. Большинство исследователей сходится в том, что компресии имеют место в одних и тех же фонетических позициях, а также в аналогичных аллофонах, независимо от принадлежности текста к тому или иному функциональному стилю. В связи с этим возникает вопрос: всегда ли словоформа, содержащая позиции, в которых возможна компрессия, действительно подвергается такого рода преобразованиям. Ответ на этот вопрос может быть только отрицательным. Из анализа того, что служит материалом для компрессий и продуктивности той или иной произносительной модели, можно заключить, что к числу единиц, реализации которых в компресированной форме весьма велика, могут быть отнесены: 1) некоторый более или менее конечной список лексем (например, будет, ходит, наверно, правильно, совершенно, конечно, сказать, теперь, когда, тогда и т.д.); 2) определенный набор словообразовательных морфем (-*тельн-*, -*тельск-*, -*тельств-*, -*ственн-*, -*овыва-*, -*ство-ва-*, -*ость-*, -*ств*); 3) отдельные словоизменяемые морфемы. Одним из доказательств "избирательности" компрессий, в частности, является тот факт, что фактический материал, используемый в качестве иллюстраций при описании разговорной, научной и публицистической речи, оказывается хотя и не тождественным, но в значительной степени пересекающимся.

В заключение еще раз подчеркнем, что при исследовании и описании явлений разговорной фонетики необходимо четко разграничивать два аспекта - собственно фонетический и нормативный, ибо, как мы старались показать, члены одного и того же произносительного класса - разговорного - могут существенно различаться не только фонетически, но и занимать не одно место на шкале нормативности.

Литература

- Барина Г.А., 1973, *Фонетика. - Русская разговорная речь*, Москва.
 Борисенко В.В., 1985, *Разные типы произношения в устной публичной речи. - Современная русская устная научная речь. Общие свойства и фонетические особенности*, Красноярск.
 Брызгунова Е.А., 1984, *Эмоционально-стилистические различия русской звучащей речи*, Москва.
 Вещчикова И.А., 1993, *Фонетические особенности морфем при функционировании слова в прозаическом тексте*, "Филологические науки", № 5-6.

- Земская Е.А., 1987, *Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения*, Москва.
- Земская Е.А., Ширяев Е.Н., 1980, *Устная публичная речь: разговорная или кодифицированная*, "Вопросы языкознания", № 2.
- Лаптева О.А., 1992, *Дискуссионные вопросы изучения устной литературной речи в свете теории нормы. - Статус стилистики в современном языкознании*, Пермь.
- Лаптева О.А., 1976, *Русский разговорный синтаксис*, Москва.
- Разновидности городской устной речи*, 1988, Москва.
- Реформатский А.А., 1979, *Копрессивно-аллегроявая речь (в связи с ситуацией говорения). Звуковой строй языка*, Москва.
- Фонетика спонтанной речи*, 1988, Ленинград.
- Щерба Л.В., 1975, *О разных стилях произношения и об идеальном фонетическом составе слова. - Избранные работы по русскому языку*, Москва.

The Normalization of Oral Public Language

There are two opposite points of view on structure of norm of oral public language in modern linguistics. According to first of them all sphere OPL is attended by codified language. The second point of view contends that OPL is combination of codified norm and spoken one. A new approach to problem of norm of OPL and to normalized interpretation of spoken language phonetics is proposed in this article.